

**Нонэлектронный документ:
правомерность термина**

О дихотомическом делении понятия «документ» по признаку способа его производства. Статья представляет собой отклик на публикацию Т. В. Майстрович «Электронный документ: основные характеристики и его место в системе обязательного экземпляра» (Библиотекосведение. – 2012. – № 11. – С. 43–46).

Ключевые слова: документы, электронные документы, нонэлектронные документы, аналоговые документы, электронное фондоведение.

С момента появления понятия *документ* до возникновения его электронной разновидности потребность в классификации по этому способу производства отсутствовала. Однако с укреплением электронного документа потребовалось наименовать противоположный ему вид документа: его стали называть *традиционным*. Но «традиционный» и «электронный» не образуют пары понятий. Чему-либо традиционному может противостоять что-то нетрадиционное, электронному – *неэлектронное*. К тому же традиционное сегодня перестаёт быть таковым завтра.

В своё время традиционной была рукописная книга, и при учёте фонда библиотекари специально оговаривали, сколько в фонде книг «харатейных», т.е. настоящих, или рукописных, а сколько тиснёных, друкованных, т.е. печатных, типографских. В настоящее время всё более традиционным становится как раз документ электронный. Чтобы не возникало путаницы, нужна непротиворечивая классификация, чётко выстроенная на одном основании. Здесь же в одном случае за основание деления берётся признак необходимости использования электронных средств, а в другом – признак длительности существования вида документа.

Выражение *неэлектронный документ* нормально воспринимается только на нетребовательный слух, но по сути представляет собой «смесь французского с нижегородским»: частица *не* – по происхождению славянская, слово *электрон* – древнегреческое. Для того чтобы образовать пару понятий с противоположным значением, иногда достаточно к древнегреческой или латинской основе прибавить отрицательную частицу, взятую из тех же языков.

В данном случае корректно было бы построить выражение на основе двух древнегреческих слов: *анэлектронный* документ. Чего-либо экстраординарного в этом нет. *Анабаптисты* – это перекрещенцы; что такое *анабиоз*, известно всем; *анаболизм* находится в паре понятий с катаболизмом; *анаграмма* – результат перестановки букв; *анаколупф* – сознательная языковая неправильность; *аналгия* – отсутствие болевой чувствительности; *анархия* – безвластие; *анатомия* – рассечение; *анафаза* – противофаза; автотиму противостоит *аноним*, аэробному (организму, бегу, клею, фитнесу, тренингу) – *анаэробное*, и т.д. Терминов с отрицательным значением укрепилось во всех науках более чем достаточно, и негативных эмоций они не вызывают.

Однако в нашем случае положение иное. В слове *анэлектронный* начальное буквосочетание

ан имеет сразу четыре недостатка: противоречит архитектонике русского словообразования, может восприниматься в другом значении и при этом иметь в нём сниженный, разговорный оттенок, к тому же придающий основному слову противоположный смысл. Частица *ан* в русской речи имеет просторечный оттенок, употребляется для усиления противопоставления, соответствуя по значению выражениям «а вот», «а всё же», «а всё-таки»: вы думали, что документ неэлектронный? Ан, электронный! То есть: вы неправы!

Поэтому целесообразнее отрицательную частицу взять из латыни – в этом случае правила терминологического образования будут соблюдены более строго. Тогда получаем неологизм *нонэлектронный*; в печати он известен с 2005 г. [1].

То, что приходится вводить неологизм, – вынужденная мера. Подходящего слова в русском языке пока нет, а то, что предлагается, как мы убедились, некорректно.

Однако предложенный неологизм вызвал возражения у весьма авторитетного специалиста в области электронного фондирования – Татьяны Викторовны Майстрович. В статье «Электронный документ: основные характеристики и его место в системе обязательного экземпляра» [2] она признаёт, что появление электронного документа естественно вызвало потребность определить его место в общей иерархии документов. Мир документов «распался на две части – электронные документы и то, что было до них. При этом сложилась парадоксальная ситуация, когда названия потребовал не вновь возникший объект, а предшествующее ему разнообразие, которое Ю. Н. Столяров в ряде своих работ определил как нон-электронные документы. Это решение нельзя признать удачным. Во-первых, определение через отрицание свидетельствует о явно недостаточной научной проработке вопроса. Во-вторых, появившийся объект как бы отрицает всё ранее существующее» [2. С. 44].

Что можно сказать по поводу высказанных аргументов? Действительно, хорошо бы иметь термин утверждающий, а не отрицающий. Я был едва ли не первым, кто ещё в начале 1970-х гг. возражал против появившегося двусмысленного термина «непечатные издания» как антитезы изданиям печатным. К слову, это возымело действие, и теперь мы такой термин не услышим, не прочитаем. Сегодня в противовес *текстовому документу* предлагают термин *нетекстовый документ* [3] – тоже, с моей точки зрения, какой-то доморощенный. Поэтому если бы лучший вариант термина, противоположного термину *электронный*, был предложен, я бы тут же на него перешёл сам и всем стал бы советовать им пользоваться.

Т. В. Майстрович предлагает дихотомию «*аналоговый документ – электронный документ*», и приводит следующие соображения: аналоговый сигнал «естественным образом передаёт речь, музыку и изображение. Письменный документ сам по себе не передаёт речь, а отображает её с помощью символов, как и ноты не передают музыку, а показывают, какие звуки соответствуют определённому значку на нотном стане <...> Таким образом, мы всё равно имеем дело с определённой кодировкой информации. В печатном тексте она кодируется в виде конвенциональных знаков (букв), понятных людям. И в этом заключается аналоговость этих документов. В электронной среде буква, в свою очередь, переводится в бинарный код, непосредственно не воспринимаемый человеком. Поэтому печатный текст является аналоговым – фиксирующим и передающим (условно) речь в её прямом выражении, а цифровое преобразование – это уже документ электронный» [2. С. 44].

Если в этой аргументации освободиться от многословия, «в сухом остатке» получим противоречие на противоречии. Аналоговый сигнал «естественным образом» передаёт речь, музыку и изображение. Но тут же это утверждение опровергается: «Письменный документ сам по себе не передаёт речь». И «ноты не передают музыку». Передают их посредством кодов живой речи или звучащей мелодии.

Столь справедливые наблюдения приводят автора к странному выводу: несмотря на кодирование, т.е. отсутствие аналоговости, мы всё равно имеем дело именно с нею, поскольку буквы, знаки понятны людям. Примем на минуту такую логику рассуждений. Тогда и в цифровой среде на выходе мы имеем ту же понятную людям исходную информацию, будь то буквы, ноты или звук. Коли так, то электронный документ – всего лишь разновидность документа аналогового, и их противопоставление на уровне дихотомии несостоятельно.

Углубимся теперь в термин *аналоговый*. Т. В. Майстрович понимает под ним (с очень большими оговорками, если не сказать – натяжками) передачу информации «естественным образом». Однако это бытовое представление. В термине *аналоговый* словари делают акцент на непрерывности (континуальности) как главном отличительном признаке аналоговости. Так, аналоговый сигнал обеспечивает передачу данных путём *непрерывного изменения во времени* амплитуды, частоты либо фазы.

В Толково-словообразовательном словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой читаем: «Аналоговый. Предназначенный для осуществления операций над *непрерывно изменяющимися* физическими величинами (аналогами исходных данных)».

Электронно-вычислительная машина первых поколений была электронной, но аналоговой: аналоговый компьютер – это аналоговая вычислительная машина, которая представляет числовые данные при помощи аналоговых физических *переменных* (скорость, длина, напряжение, ток, давление), в чём и состоит его главное отличие от цифрового компьютера. ГОСТ Р 52 292–2004 «Информационная технология. Электронный обмен информацией. Термины и определения» трактует термин *аналоговый* как относящийся к физическим величинам или данным, представленным *в непрерывном виде*. Понятию *аналоговый* здесь противостоит понятие *дискретный*, т.е. «относящийся к данным, которые состоят из отдельных элементов, <...> имеющих конечное число различных распознаваемых значений» [4]. В другом стандарте видим схожую трактовку: «Аналоговый сигнал данных: сигнал данных, у которого каждый из представляющих параметров описывается *функцией времени* и конечным множеством возможных значений» [5]. Определение, «относящееся к данным, которые представлены *непрерывными значениями* какой-либо физической переменной» [6].

Как видим, акцент в термине *аналоговый* делается на *непрерывности* в отличие от прерывистости, или *дискретности*, а отнюдь не *электронности*. Термин *электронный* означает свойственный электрону, характерный для него; связанный с использованием свойств электронов, или основанный на использовании свойств электронов; состоящий из электронов. Другими словами, *непрерывному* (континуальному) противостоит *прерывное* (дискретное), а электронному – *нонэлектронное*.

Конечно, желательно иметь дихотомию, состоящую из двух утвердительных элементов. Однако в отдельных случаях в науке, за неимением лучших, довольно широко распространены термины с отрицающим значением, так что в этом отношении я – автор неологизма самый рядовой и даже заурядный. Судите сами: конформисту противостоит *нонконформист*, теисту – атеист, литературному жанру фикшн (от англ. fiction – беллетристика; буквально: фикция) – жанр *нон-фикшн* (от англ. non-fiction: non – не + fiction – беллетристика; фикция – прозаическое литературное произведение, не являющееся ни романом, ни повестью, ни рассказом; деловая или критическая проза), фигуративному искусству – *нонфигуративное* и т.д. Есть подобные пары понятий и с русской частицей *не*, в том числе в нашей сфере: периодическому изданию противостоит издание *непериодическое*. Все эти термины давно укрепились в языке, вошли в наиболее распространённые словари. В том же ряду стоит и *нонэлектронный*.

Вместе с тем выражение *аналоговый документ* я признаю, но в другом значении и в другой

систематике документов. Лучший из существующих у нас греческо-русских словарей (он создавался для гимназических учителей древнегреческого языка) – словарь А. Д. Вейсмана [7] – раскрывает несколько значений слова «аналог», происходящего от древнегреческого «*analogos*» – соразмерный, соответственный, согласный, с чем-либо соотносимый [Там же. Стб. 91]. Ни в одном из этих значений нет и намёка на темпоральность – протяжённость во времени, непрерывность или нечто подобное. *Ana* выступает как предлог, означающий «вверху», «наверху». В других сочетаниях, в особенности со словом *logos (analogos)*, образуется выражением «по соотношению, соответственно» [Там же. Стб. 80]. На каком основании слову *аналог* придано совершенно несвойственное ему значение, можно только предполагать: по неведению его этимологии, произвольно, безответственно. Как бы то ни было, но и в искажённом смысле *аналоговый* не представляет антитезы *электронному*.

Современные общеупотребительные словари, а впрочем и специальные – философский, литературный, многие другие – слово *аналог* толкуют, в соответствии с древнегреческой этимологией, как «соответственный», «соразмерный», «подобный», «сходный», «похожий». Знак-аналог – это знак, подобный отражаемому им объекту. Например, фотография, рентгенограмма, рисунок, картина с натуры - всё это *аналоговые*, или *иконические* (от греч. *eikon* – *изображение, образ*) документы. О них я писал ещё в 1995 г. в статье «Классификация документа: решения и проблемы» [8].

Аналоговые документы противостоят документам *идеографическим*, или *символьным*. Буквы, которыми напечатана эта статья, – электроны, преобразовывающие буквенную информацию в цифры, - равно представляют собой документы *символьные*, или *идеографические*. Так что дихотомическая пара с понятием *аналоговый* в документологии имеется, но только она опять же не имеет отношения к понятиям *электронный* или *цифровой*.

В ожидании более обоснованной пары понятий будем по-прежнему пользоваться предложенной ранее дихотомией: *электронный документ* – *неэлектронный документ*.

Список источников

1. Столяров Ю. Н. Документ – понятие конвенциональное / Ю. Н. Столяров // Библиотекосведение. – 2005. – № 4. – С. 11–18.
2. Майстрович Т. В. Электронный документ: основные характеристики и его место в системе обязательного экземпляра / Т. В. Майстрович // Библиотекосведение. – 2012. - № 1. – С. 43–46.
3. Шардакова М. В. К определению понятия «нетекстовый документ» / М. В. Шардакова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2012. - № 1. – С. 44-47.
4. ГОСТ Р 52 292 – 2004 Информационная технология. Электронный обмен информацией. Термины и определения. – Москва : ИПК Изд-во стандартов, 2005. – Пп. 4.2.2 и 4.2.6.
5. ГОСТ 17657 – 79: Передача данных. Термины и определения // Телекоммуникации. Аудио- и видеотехника. Термины и определения. Часть 1 : Сборник стандартов. – Москва : Стандартиформ, 2005. – С. 35-59.
6. ГОСТ 17657 – 79: Передача данных. Термины и определения – Москва, 1978. – 59 с.
7. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь / А. Д. Вейсман. 4-е изд. – С.-Петербург, 1894. – 1370 стб.
8. Столяров Ю. Н. Классификация документа: решения и проблемы / Ю. Н. Столяров // Книга.

Исследования и материалы. – Москва : Терра, 1995. – Сб. 70. – С. 24–40.